

С.В. Стахорский

Понтий Пилат

Центральный персонаж романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Сын короля-звездочета, жестокий прокуратор Иудеи всадник Понтий Пилат по прозвищу Золотое Копье появляется в начале 2-й главы «в белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой», выходя на авансцену сюжета, где будет незримо присутствовать до полного его окончания, до последней фразы эпилога. Это его присутствие обусловлено основным сюжетным событием, связующим повествование: роман, сочиненный Мастером, написан о нем, Пилате Понтийском. Герой героя выступает одновременно как действующее лицо «античных» глав, образующих «роман в романе».

Два Пилата, «литературный» и «исторический», никак не различаются между собой; они составляют единый образ, объективированный в повествовании. «Литературный» Понтий Пилат, сотворенный Мастером, не плод художественной фантазии; он «угадан» таким, каким был на самом деле, и поэтому полностью совпадает с «историческим», о котором рассказывает Воланд в разговоре с Берлиозом и Иваном Бездомным на Патриарших прудах. Тожество обоих Пилатов подтверждает сам Воланд, единственный живой свидетель, присутствовавший инкогнито во дворце Ирода Великого во время разговора Пилата с Иешуа Га-Ноцри, знающий о том, например, как прокуратор пытался «спасти» Иуду из Кириафа, слышавший собственными ушами ответ Пилата на вопрос Левия Матвея об убийце Иуды: «Это сделал я». В финале романа, отпуская на свободу своего героя, Мастер одновременно освобождает «библейского» Пилата, на протяжении двух тысяч лет терзаемого муками совести.

В процессе создания образа Понтия Пилата Булгаков использовал несколько источников. Первыми по значимости были канонические Евангелия, в которых писатель почерпнул главные сюжетные обстоятельства: Понтий Пилат не находит вины в действиях и словах Иисуса (Лук., 23, 5; Иоанн, 18, 38), пытается спасти его (Иоанн, 19, 12), на Пилата оказывают давление первосвященники и возбужденный ими народ, вопящий «Распни его!», и, наконец, окончательное решение о казни прокуратор принимает из страха перед кесарем: «Иудеи же кричали: “Если отпустишь Его, ты не друг кесарю”» (Иоанн, 19, 12).

Вероятным источником образа послужила книга немецкого историка Г.А. Мюллера «Понтий Пилат, пятый прокуратор Иудеи и судья Иисуса из Назарета» (1888). Здесь Пилат, как и в романе, назван пятым прокуратором: иные авторы считают его шестым. Другим литературным источником стала книга английского богослова Ф.В. Фаррара «Жизнь Иисуса Христа» (1874, русский перевод 1885). В главе «Иисус Христос перед Пилатом» Фаррар описывал «римскую презрительность» игемена к иудеям и говорил о его «трусливой уступчивости». Последний момент получил у Булгакова особое значение. В поле зрения писателя были также легенды, связанные с Пилатом. Об одной из них Булгаков мог прочесть в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона. В Великую пятницу на горной возвышенности в Швейцарских Альпах, носящей название Пилат, появляется призрак прокуратора и умывает руки, тщетно пытаясь очистить себя от участия в преступлении. С этой легендой может быть связано место действия последней главы — каменистая вершина, где Мастер встречает Пилата и отпускает его грех. Что же касается сюжетных мотивов, сочиненных самим Булгаковым, то это причастность прокуратора к убийству Иуды. Согласно Евангелиям, тот повесился.

Рассматривая образ Понтия Пилата с точки зрения литературной генеалогии, можно указать на следы Агасфера. Есть основания для сопоставлений с образом пушкинского Бориса Годунова: мотив пятна на совести, появившегося случайно и ставшего причиной

душевных терзаний, столь мучительных, что «рад бежать, да некуда». Среди героев Булгакова нет другого персонажа, сопоставимого по масштабу с Пилатом, хотя отдельные его черты можно уловить в Хлудове («Бег»), в Людовике («Кабала святош»).

В романе Булгакова Понтий Пилат олицетворяет коллизию иерархической власти, безграничной по отношению ко всему нижестоящему и совершенно беззащитной, безоружной перед тем, что находится выше. Это делает игемена Рима социально трусливым. Последнее тем более разительно, что трусость выказывает человек по натуре мужественный, твердый и жестокий. Если трусость вообще худший из пороков (слова Иешуа Га-Ноцри), то в сильном она еще и позорна. Такова основная мысль писателя в прочтении образа Понтия Пилата, героя, покрывшего себя историческим позором.